Ослепительная вспышка света и сильная боль. Это было все, что она могла вспомнить, и, хотя в ее голове был полный провал, когда она пыталась вспомнить события до того, как стала свидетельницей этой вспышки света, она слишком устала, чтобы думать об этом сейчас. В ее существе не было никаких чувств, никакой боли или какого-либо ощущения срочности, несмотря на отсутствие вышеупомянутых вещей, и все, с чем она осталась, было черным, черным и еще раз черным. В ее чувствах и разуме.

После того, что казалось вечностью, тьма медленно рассеялась из ее поля зрения, постепенно сменившись размытым, более светлым черным цветом. Вскоре нижняя половина ее поля зрения была заполнена гораздо более светлым цветом, который она сначала приняла за белый, но зернистая текстура цвета подсказала ей, что это может быть песок. Но этого не может быть, подумала она про себя. Песок должен быть желтым, а не белым.

Усталость вскоре настигла ее, хотя она все еще не понимала, почему вообще чувствовала себя такой опустошенной. У нее было отчетливое чувство, что она должна быть чем-то встревожена, но желание просто упасть было слишком сильным, слишком сладким и слишком заманчивым, чтобы его игнорировать. Что бы это ни было, это могло подождать. Прямо сейчас она просто хотела спать. Вайсс, вероятно, накричала бы на нее, или, возможно, ее любимая сестра Ян просто разбудила бы ее позже, в любом случае, вероятно, обняв ее, пока она не начала бы задыхаться. Итак, она быстро поддалась чувству, и тьма снова заполнила ее существо.

Однако на этот раз она увидела образы. Или, возможно, это были сны? Но они казались такими далекими, как будто она рассматривала фотографии вещей, которые давно исчезли за завесой. Изображения башни и незнакомца, однако, помимо визуального представления, она действительно чувствовала, что ее другие чувства получают стимулы, как будто она переживала события на фотографиях. Ветер дул ей в бок, когда она устремлялась к вершине, ее мысли были полны стремления её достичь. Сцена изменилась, и затем она увидела смесь красного, золотого и черного с оранжевыми плавными формами вперемешку. Крики и звуки взрывов заполнили задворки ее чувств. А затем наступил особый момент. Фигура в золотом, смотрящая вниз, светящаяся, с чем-то, выступающим из ее живота, в то время как фигура в красном возвышалась над ней. И затем она увидела слепящую вспышку света.

Именно в этот момент она проснулась, тяжело дыша, хватая ртом столь необходимый воздух. Она сильно вспотела, ее тело горело, как будто она была в огне, как золотая фигура из ее видений. Боль пронзила множество частей ее тела, и по какой-то причине ее лицо было заплаканным. В голове все еще царила сумятица, как будто она только что очнулась от долгого сна. Пытаясь прийти в себя, она с трудом поднялась с земли, моргая и протирая глаза, чтобы прояснить затуманенное зрение. Она действительно переусердствовала со сном, сказала она себе. Наконец, после нескольких мучительных минут дезориентации. Сцена перед ней стала четче, и ее чувство срочности становилось все более и более сильным. Перед ней простиралось то, что казалось бесконечным океаном белого песка, насколько хватало глаз, с редкими засохшими деревьями тут и там. Это только помогало ему контрастировало с черным небом, с луной в форме полумесяца, дающей немного света. Воздух был прохладным и сухим. Множество вопросов пронизывало ее разум, но этот последний образ из ее сна выплеснулся первым.

Именно в этот момент она все вспомнила. Почему она взбиралась на башню. О Синдер Фолл, о Пирре и стреле, которой Синдер пронзила ее. Она хотела кричать, вопить, но не издала ни звука. Похоже, ее тело слишком устало для очередного раунда потери сознания. Она

чувствовала слабость, ей стало трудно дышать. Осознание событий, привело к тому, что все это, наконец, встало на свои места одно за другим. Она схватилась за голову и упала на колени, понимая, что, без сомнения, она не успела вовремя спасти свою подругу, и то, что она увидела на вершине башни. Слезы автоматически текли по ее лицу, окрашивая белый песок под ней. Она простояла так еще 10 мучительных минут, прежде чем взять себя в руки и начать отвечать на другие вопросы, терзавшие ее разум.

Где она? Это не мог быть Ремнант, сказала она себе, скорее из самонаблюдения, чем из беспокойства. В конце концов, луна не была разорвана на куски. И ни в одном известном ей месте Ремнанта не было бесконечных пустынь с белым песком. Следующим было ужасное состояние ее тела. Где бы то ни было, но она хотела найти место для отдыха. Она хотела увидеть своих друзей, сестру, отца, директора, кого угодно. Она хотела домой. Почему вместо этого она была здесь? Разве несколькими мгновениями ранее она не была на Ремнанте? Как долго она была в отключке? Она не могла сказать. Все, что она знала, это то, что она была слишком морально истощена, чтобы думать о чем-либо, и просто хотела с кем-нибудь, с кем угодно поговорить. Эта гробовая тишина и унылый пейзаж были пыткой и последним местом, где она хотела быть прямо сейчас. Она просто хотела упасть в мирные объятия Ян и избавиться от своих забот.

И вот, она огляделась, заметив, что её верная винтовка-коса Кресцент Роуз лежит прямо рядом с тем местом, где она потеряла сознание. Бытие оружейной маньячки не прекратилось даже во время ее нынешнего затруднительного положения, о чем свидетельствовало облегчение, которое она почувствовала, когда увидела, что с ее оружием все в порядке, за исключением нескольких потертостей и царапин. Теперь оно казалось заметно тяжелее в ее руках, что еще раз указывало на то, насколько сильно она пострадала. Она, должно быть, действительно выжала всё из своего проявления, когда изо всех сил пыталась забраться на башню. Похоже, ее аура тоже представляла собой жалкие остатки.

Она начала бесцельно брести, окликая свою сестру, Вайсс, Блейк или кого-нибудь из академии Бикон, в надежде, что они смогут рассказать ей, что происходит и где она находится. По какой-то причине даже двигаться здесь было тяжело, и она заметила это гораздо позже. Сначала она предположила, что это из-за ее усталости, но теперь она заметила, что этого не могло быть. Сам воздух, казалось, давил на нее сильнее, чем обычно. Как будто атмосфера здесь была намного плотнее чем обычно.

В животе у нее заурчало, а в горле пересохло и першило. Даже Кресцент Роуз просто тащилась по земле, Руби была не в состоянии удержать ее вертикально. Мне действительно нужно что-нибудь выпить или съесть, в отчаянии подумала она. Но до сих пор она не встретила ни единого признака источника живительной влаги или каких-либо признаков растительности, да и вообще чего-либо живого. То, что она считала засохшими деревьями, оказалось по своей природе минералом, что сбило ее с толку еще больше. В какой-то момент она перестала звать своих друзей и семью. У нее просто не было на это сил. Но стояние на месте не утолило бы ее жажду, поэтому она неохотно двинулась дальше.

Руби Роуз понятия не имела, сколько времени прошло. Казалось, что месяцы, может быть, даже годы. Или, возможно, это был всего лишь короткий день. Но такие мысли были для нее

несущественны. Она просто хотела немного тех восхитительно выглядящих печенек, которые рисовались ей на далеком горизонте.

— Эхехе, кто бы мог подумать, что я смогу воплотить в жизнь свою фантазию о том, чтобы утонуть в море молока с печеньем в придачу, верно, Ян, — произнесла она, бессвязно хихикая и поворачиваясь влево. Знакомая фигура ее старшей сестры заполнила ее поле зрения на некотором расстоянии, с тем же любящим выражением лица, что и всегда. Если бы она только могла добежать до тех печений на горизонте, она бы так и сделала, но с этим молочным океаном вокруг нее, она могла только плыть, рассуждала она. Для ее разума это имело смысл. В конце концов, зачем еще ей ползать по земле и тянуться к ним руками? И если подумать, ее сестра, Вайсс с ее всегда раздраженным выражением лица и Блейк с ее безразличным отношением, команда JNPR — все были рядом с ней, так зачем же она вообще их искала? Для нее это не имело смысла.

— Эээ ... Я продолжаю, но печенье, кажется, никогда не становится ближе ... разве это не забавно, Ян? — снова спросила она у фигуры своей сестры с перекошенным выражением лица. Так утомительно! Ее руки действительно превратились в кашицу, как будто молоко, в котором она плавала, растворяло все ее существо, как растворяет печенье, опущенное в стакан молока. Она действительно хотела, чтобы печенье просто попало к ней в рот.

— Аааа, я так голодна ~~ — проскулила Руби. — Эй, Ян, я думаю, сначала выпью немного этого молока, ничего?

Хотя она, как обычно, спросила свою сестру, та просто собиралась отдать его ей. В конце концов, сестра всегда прощала ее за то, что она съела её порцию печенья. И вот, без лишних слов, она набрала полный рот этого восхитительно выглядящего молока. По какой-то причине она не могла сказать, какое оно на вкус, но, похоже, она вообще не могла его пить.

Может быть, я смогу съесть это только с теми печеньками, рассуждала она про себя. Когда она посмотрела вперед, то увидела печенье в дальнем конце туннеля, из другого конца которого лился свет. Она протянула правую руку, но прежде чем она смогла дотянуться до него, свет в конце туннеля становился все ярче и ярче, пока не окутал ее полностью, и ее разум снова погрузился во тьму.

Сначала в его голове была пустота. Все, что оно знало, это то, что оно голодно и ему нужно найти что-нибудь, чтобы утолить гложущий голод, который пронизывал все его тело. Оно не заботилось ни о чем другом, кроме как утоления своего голода, это было все, что ему нужно. Нет, это было неправильно. Чувство, которое оно испытывало, было не только чувством голода, но и страха. Независимо от того, что ему нужно было сделать, оно никогда больше не хотело быть голодным. Страх того, что оно не утолит свой голод, перекрывал все остальное. Этот страх остаться голодным и исчезнуть в одиночестве поддерживал его. Оно пошло бы на все, чтобы избежать такой участи. Это чувство было настолько сильным, настолько неотвратимым, что в тот момент, когда оно натыкалось на другого Гиллиана, оно немедленно вонзало свои клыки в его шею, высасывая из него его сущность, пока ее не оставалось совсем. А затем из следующего, и следующего, и так далее, пока вокруг не осталось ничего, что могло бы двигаться.

И все же это существо, пожиравшее все, что попадалось ему на пути, все еще защищало маленькое, хрупкое, разлагающееся тело в своих руках. Тело молодой девушки, похожей на

человека, в черно-красном наряде, с черными волосами и серебристыми глазами. Разлагающееся, дегенерировавшее состояние трупа означало, что он даже не был полезен в качестве пищи, поэтому существо не могло понять, почему оно все еще носит его. Существо помнило, что носило его с самого рождения, до того момента, когда большая тень в белой маске поглотила его. Некоторое время было темно, но постепенно у него начали появляться мысли. Поначалу они были обыденными, начиная с основных слов, которые затем постепенно превратились в сжатые предложения. А затем в них появились эмоции. Именно в этот момент существо почувствовало давление и сопротивление, на которые оно не обращало внимания все это время. Вокруг него образовалась приливная волна чего-то, угрожающая поглотить его и сделать частью целого. Просто поддерживать те небольшие эмоции, переживания и самоощущение, которые у него были, было больно и мучительно. Много раз казалось, что все закончится, если оно просто уступит поглощению окружающей его массы. По крайней мере, боль и страдания прекратятся. Когда оно смотрело вниз на труп, который в данный момент несло, оно чувствовало пустоту, как будто от потери чего-то очень ценного. Желание заполнить эту пустоту и стремление утолить свой проклятый голод сохранялись до тех пор, пока оно не смогло подавить окружающую его массу, угрожающую поглотить его, наконец настолько, чтобы самому взять контроль. И тогда существо издало громкий вопль, поскольку это было все, что оно могло сделать, чтобы выразить свои чувства. А затем оно отправилось на поиски чего-нибудь, на что можно было бы поохотиться и съесть.

Так прошло много времени, и существо потеряло счет количеству больших теней, которые оно съело. В какой-то момент в его голове всплыло имя. Гиллиан. Вот чем было само существо и вот чем были другие большие тени, которых оно поедало. Но в отличие от нее самой, другие Гиллианы, казалось, не обладала теми чувствами и мыслями, которые были у нее. Мысль о поедании Гиллианов поначалу показалась этому существу неправильной, как будто это существо было предназначено только для охоты на них, но не для поедания. Как будто это существо было чем-то, что должно было охотиться на этих Гиллианов. Даже название звучало неправильно. Существо почувствовало, что их следует называть как-то по-другому. Но желание заполнить свою пустоту вскоре пересилило все сомнения существа, и с этого момента поедание Гиллианов стало его второй натурой.

Прошло много дней, и вскоре в сознании существа всплыло имя, которое звучало так знакомо, которое наполняло существо теплом, утешением и умиротворяющим ощущением, как будто какая-то часть его пустой оболочки была заполнена. В этот момент существо начало меняться, сначала ярко светясь. Тело существа начало трансформироваться и уменьшаться, становясь более четким, компактным и гладким. У него были длинные тонкие ноги, длинный хвост, тело темно-красного цвета, белая маска, напоминающая морду гепарда, дополненная двумя красными полосами на лице, похожими на слезы, и серебристыми глазами. На его теле было 3 черные полосы, идущие вдоль хребта, а также многочисленные черные пятна, которые были лишь слегка отличимы от темно-красного цвета его меха. Голова у него была маленькая и округлая, хотя из-за маски она казалась чуть более широкой, чем у гепарда. Из обоих его глаз скатилось по одной слезинке.

— Руби Роуз, — сказал она себе, наконец-то вернув себе небольшую часть себя прежней.

Адьюкас по имени Руби Роуз была на последнем издыхании. После обретения своей нынешней

формы она обнаружила, что воспринимает себя как свободолюбивую и любопытную девушку, которая любила носиться по дюнам Уэко Мундо в поисках добычи, а также охотиться на указанную добычу. Она обнаружила, что, хотя ее легкое телосложение не давало много возможностей для силового нападения, ее высокая ловкость и скорость с лихвой компенсировали это, наряду с точными и смертоносными ударами её когтей или клыков. Она также обнаружила, что поедание Гиллианов больше не утоляло ее голод, хотя этого было достаточно, когда она была Гиллианом. И вот тогда она доверилась своим инстинктам, которые подсказали ей ответ, который заключался в том, чтобы нацелиться на Адюкасов. Казалось, у нее также было чутье, подсказывающее, насколько опасна ее добыча, что в конечном итоге спасло ей жизнь. Она обнаружила, что Адьюкасов было очень мало по сравнению с Гиллианами, и часто это означало длительное голодание. Итак, когда она находила добычу, это была борьба не на жизнь, а на смерть, сражения приходилось вести в ослабленном состоянии, к тому же Адьюкасы были гораздо более сложной добычей, чем Гиллианы.

И все же ее воля и стремление заполнить пустоту в своем сердце почти всегда преобладали, и она выживала. Но не в этот раз. Она шла, шла и шла, и не замечала ни одного существа в поле зрения. Ей уже нужно было отдохнуть и восстановиться после предыдущей схватки, а теперь еще и еды не было. Даже если бы она что-то нашла, она сомневалась, что это пошло бы ей на пользу. Вскоре страх вернулся. Страх, что в любой момент она просто упадет ничком, оставленная умирать от голода. Она шла все медленнее и медленнее, страх охватывал ее все больше и больше. Дышать становилось все труднее и труднее, и ее зрение начало затуманиваться. Даже ее воля медленно угасала, страх вызывал у нее галлюцинации. Черты песчаных дюн начали искажаться, и слезы медленно навернулись на ее глаза. Это было то, что напугало ее больше всего.

Только не это снова, подумала она про себя, изо всех сил стараясь пошевелиться хотя бы немного. Насколько она знала, это был первый раз, когда она была в таком состоянии, и все же, почему она чувствовала, что это случалось раньше? Она опустила тело, которое раньше всегда носила с собой, на данный момент это были просто кости. Красно-черный плащ все еще был обернут вокруг него, как саван. Она просто уставилась на него и издала громкий предсмертный вопль. У нее больше не было сил тащить его за собой, как и не было сил двигаться самой. И все же она не могла оторвать глаз от трупа. Ей почти казалось, что она смотрит на себя, когда смотрела на труп. Ее глаза несколько раз моргнули, окружающее становилось все более искаженным. Ей было больно от того, что она умирала от голода. Рядом с невероятно искаженным изображением тела перед ней она увидела приближающуюся фигуру в бело-желтом. Это всколыхнуло что-то из глубин ее души.

— Я.....ян ....? — кротко и тихо воскликнула она, прежде чем провалиться во тьму.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

http://tl.rulate.ru/book/104914/3677892